

Переходимъ, наконецъ, къ четвертой и послѣдней идеальной любви поэта, любви сильной, давшей поэзии много гениальныхъ произведеній. Въ то время, когда Адамъ, распрощавшись съ Рахели, уѣхалъ изъ Венеціи и приближался къ Риму, древней столицѣ христіанскаго міра, ожидали его тамъ многіе съ трепещущимъ сердцемъ, хотя ничего онъ объ этомъ не зналъ.

Въ Римѣ въ то время проживало семейство польскаго магната графа Анквича, состоявшее изъ отца, матери, молоденькой дочери Эвуніи и племянницы г-жи Анквичъ, Марцелины Лемпицкой. Анквичъ были люди очень богатые, владѣвшие большими помѣстьями въ Галиціи. Въ Италію они уѣхали вслѣдствіе слабаго здоровья Эвуніи и объѣздили уже многія мѣста и, въ 1828 году, изъ Ливорно прибыли на время въ Римъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ личность Эвуніи, идеала поэта: „Это была дѣвица необыкновеннаго ума, хотя воспитанная небрежно, вслѣдствіе

болѣзни. Только въ Римѣ, на развалинахъ стараго свѣта, когда ея здоровье улучшилось, съ жаромъ предалась она наукамъ, желая наверстать потерянное время. Отецъ ея, человѣкъ образованный съ извѣстнымъ расположеніемъ къ археологіи, повліялъ на дочь такъ, что и она предалась ей, а для этого предмета большой матеріалъ доставляли Римъ и вообще Италия. Брала она уроки у знаменитаго археолога Висконти“... „Знала она кромѣ того много другихъ вещей, могла даже считаться ученой, не доставало ей только одного, а именно знанія литературъ и языка польскаго, она даже говорила плохо по-польски. Ей было тогда всего 16 лѣтъ. Не была она красавицей, но въ высшей степени привлекательна и плѣняла своей идеальной очаровательностью. Маленькая, изящная, съ бѣлымъ, какъ лилія, лицомъ, съ волосами темнопепельными, съ голубыми глазами, блестящими умомъ, она могла произвести сильное впечатлѣніе. Адамъ говорилъ, что она похожа на дрезденскую Магдалину Корреджіо. Одаренная необыкновенной памятью, впечатлительная, съ быстрымъ умомъ, быстро развивалась она во время

этого путешествія подъ лазуровымъ небомъ и на классической землѣ Италии. Во всякомъ случаѣ это была выдающаяся личность особенно въ то время и въ тѣхъ сферахъ общества, къ которымъ она принадлежала по богатству и по происхожденію“.

Весной 1829 года, Анквичи переехали изъ Рима въ Неаполь, гдѣ впервые узнали о существованіи Мицкевича и о его твореніяхъ, благодаря письму одной изъ знакомыхъ Анквичей, которая собственноручно переписала нѣсколько балладъ и сонетовъ и прислала ихъ Анквичамъ. Мадамъ Анквичъ, сентиментальная, но образованная, восхищалась этими произведеніями, Эвунія вполне раздѣляла восхищеніе матери, и оно еще болѣе увеличилось, когда учоный полякъ Стржеleckій, проживавшій въ то время въ Неаполѣ, далъ имъ единственный, бывшій у него, томъ твореній Мицкевича. Осенью Анквичи вернулись въ Римъ, въ скоромъ времени пріѣхалъ туда и Стржеleckій, привезшій съ собою „Валленрода“, и „Дѣды“, два гениальнѣйшія произведенія Адама, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстіе, что самъ онъ прибудетъ въ Римъ. Эвунія

въ восторгѣ: продолженіи трехъ дней зубрить она наизусть „Дѣды“, въ недѣлю изучаетъ „Валленрода“; мечтаетъ только о поэтѣ и съ трепетомъ ожидаетъ его пріѣзда. Наконецъ, 17-го ноября, Адамъ съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ, Одынцемъ, пріѣхалъ въ Римъ. Хотя они знали, что Анквичи живутъ въ Римѣ, но вовсе не собирались идти къ нимъ; случай свелъ ихъ съ графомъ Анквичъ у князя Гагарина. Это было 29 ноября, 1829 года. Анквичъ принималъ у себя много европейскихъ знаменитостей, а для соотчичей, для поляковъ, домъ его постоянно былъ открытъ. На слѣдующій день къ Анквичамъ пошелъ только Одынецъ, и, возвратившись домой, рассказалъ Адаму о своемъ визитѣ, замѣтивъ, что Эвунія сильно похожа на Марію Верещака. Это послѣднее обстоятельство и заставило поэта отправиться къ Анквичамъ. Эвунія, Марцелина и даже сама мадамъ Анквичъ смотрѣли на Мицкевича, какъ на полубога; Эвунія такъ растерялась, что въ продолженіи перваго визита не въ состояніи была промолвить слова, однако не сводила глазъ съ Адама. На слѣдующій день Анквичъ отдалъ визитъ по-

этамъ и пригласилъ ихъ на „скромный польскій обѣдъ“; во время обѣда провозглашенъ извѣстный польскій тостъ „Kochałm się“ (возлюбимъ-те другъ друга), а затѣмъ Эвунія долго играла на рояли, что сильно подѣйствовало на Мицкевича. Такимъ образомъ началась любовь; уже въ декабрѣ Одынецъ писалъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ, что Адамъ постоянно въ великолѣпномъ расположеніи духа, веселъ, весьма кротокъ: такъ любовь смирила гордое сердце поэта! Эвунія, узнавъ, что Адамъ легко смотритъ на обряды религіи, вечеромъ и утромъ не переставала горячо молиться о томъ, чтобы сердце поэта прониклось глубокимъ чувствомъ вѣры. Когда Адамъ услышалъ объ этомъ изъ устъ Одынца, онъ сильно смутился. Онъ понялъ, что Эвунія его любитъ; съ этимъ совпало и другое событіе: около того же времени умеръ Олешкевичъ, извѣстный тогдашній мистикъ. Все это вмѣстѣ потрясло поэта и онъ не сталъ позволять себѣ даже легкой шутки надъ предметами, касавшимися религіи. Не говоря никому ни слова, Мицкевичъ пошелъ къ исповѣди, а вслѣдъ затѣмъ

явился къ Анквичамъ. Мадамъ Анквичъ встрѣтила его такими словами: „знаете ли, какой сонъ видѣла сегодня Эвунія? Снилось ей, что вы пришли къ намъ и принесли съ собою прелестнаго барашка, бѣлаго, какъ молоко, на розовой лентѣ. Мицкевичъ поблѣднѣлъ и воскликнулъ: „это пророчество, потому что я сегодня общался св. таинъ“. Съ этого времени, любовь между Эвуней и Адамомъ стала для всѣхъ дѣломъ очевиднымъ. Адамъ былъ постояннымъ гостемъ у Анквича; ѣздилъ вмѣстѣ съ ними на балы, маскарады, вмѣстѣ посѣщали музеи, развалины, церкви; дома же Мицкевичъ училъ свою возлюбленную польской литературѣ, читалъ ей польскія книги и совѣтовалъ дѣлать выписки изъ прочитаннаго. Казалось, все предсказывало великолѣпную будущность и исполненіе сердечныхъ желаній Эвуніи и поэта. Графиня говорила неоднократно, что „богатство на столько можетъ придать счастья женщинѣ, на сколько оно представляетъ сердцу свободу выбора“. Анквичъ самъ часто смѣялся надъ глупостью внуковъ, гордящихся заслугами предковъ. Но на

дѣлѣ вышло иначе. Была еще одна личность въ семьѣ Анквичей, которая непріязненно посматривала на эту развивающуюся любовь. Это Марцелина Лемпицкая. О ней мы до сихъ поръ ничего не сказали; между тѣмъ и она заслуживаетъ вниманія не только по своему характеру и уму, но и потому, что поэтъ изобразилъ ее въ „Дѣдахъ“. Приведемъ слова Одынца: Марцелина „во всѣхъ отношеніяхъ — необыкновенная личность. Адамъ называетъ ее святой и, дѣйствительно, мы встрѣчаемъ что то легендарное. Самое выраженіе ея лица и наружность таковы, что стоило только придать къ нимъ сіяніе вокругъ головы и пальму, и она, живая, могла быть перенесена на образъ. Въ этомъ заключается какъ бы проблескъ ея характера и состоянія души, которые развѣ только такимъ образомъ черезъ нее самое проявляются. Какъ тысячи другихъ стараются блеснуть, такъ она силится скрыть предъ людьми свою набожность и учюность, которою, на самомъ дѣлѣ, обладаетъ. Молитва и наука — это вся

ея жизнь. Я знаю по секрету отъ графини, что завѣтная цѣль Марцелины — сдѣлаться монахиней, сестрой милосердія; но что она желаетъ прежде исполнить свои обязанности по отношенію къ обществу и своей странѣ, воспитавъ нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, и поэтому сама постоянно учится и работаетъ надъ собой“.

Вотъ эта то Марцелина непріязненно смотрѣла на любовь Адама и Эвуни, боясь и предчувствуя, что скоро станетъ разочарованіе; она одна только хорошо знала глупую гордость Анквича, знала, что онъ не согласится никогда на бракъ дочери съ поэтомъ! И, дѣйствительно, какъ скоро графу стало извѣстно о склонности его дочери къ поэту, а вѣсть эта его поразила и онъ сталъ употреблять всевозможныя средства, чтобы удалить ее отъ Мицкевича: онъ сердился всякій разъ, когда видѣлъ его вблизи Эвуни, нападалъ на мать, которая однако не соглашалась съ нимъ и втайнѣ благославляла ихъ; въ разговорѣ какъ то разъ съ женой, Анквичъ сталъ упрекать ее за снисходитель-

ность, по отношенію къ поэту и требовалъ, чтобы она отказала ему отъ дома; но когда она сказала, „что онъ одинъ (Мицкевичъ) можетъ сдѣлать дочь ея счастливой“, то графъ воскликнулъ: „никогда! пусть ее лучше вынесутъ трупомъ изъ моего дома!“

Видя это, Мицкевичъ хотѣлъ было изъ гордости тотчасъ уѣхать и бросить все, но Одынецъ и графиня удержали его. Адамъ остался, но рѣже посѣщалъ Анквичей, хотя постоянно встрѣчался съ Эвуней то на развалинахъ, то въ музеѣ, то у одного живописца, который рисовалъ портретъ Эвуни. Въ первый день Свѣтлаго праздника они отправились въ церковь Св. Петра. Какъ извѣстно, въ этотъ день папа выходитъ на площадь, и даетъ свое благословеніе „ubi et orbi“. Когда папа обратился въ сторону, гдѣ стоялъ Адамъ съ Эвуней, Мицкевичъ схватилъ ее за руку и съ чувствомъ сказалъ: „верховный пастырь насъ благословилъ и смотрѣлъ на насъ, поэтому мы связаны“.

Мы опускаемъ многія подробности,

которыя уясняютъ еще болѣе сильную любовь поэта и скромное, тихое влеченіе Эвуни къ нему, а передаемъ только болѣе главные.

Графъ, наконецъ, задумалъ уѣхать изъ Рима; на прощанье Мицкевичъ подарилъ Эвуни томъ своихъ произведеній, на оберткѣ написалъ ея имя и фамилію, а также „въ день отъѣзда изъ Рима — Адамъ Мицкевичъ“. На первой же страницѣ: — „Въ воротахъ Del popolo — уѣзжаемъ изъ Рима, не будемъ плакать ни днемъ, ни ночью и будемъ цвѣсти здоровьемъ. До свиданія“. Анквичъ уѣхалъ во Флоренцію, отсюда въ Парижъ и въ Женеву, куда графиня пригласила и Мицкевича. Онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Женеву и опять начались ежедневныя визиты. Графу это не нравилось и онъ сталъ весьма часто увозить дочь въ окрестности. Поэтъ обидѣлся и написалъ прощальное письмо къ графинѣ, собираясь уѣхать на Востокъ. Однако онъ не уѣхалъ на Востокъ, а отправился въ Римъ; сюда пріѣхали въ скоромъ времени и Анквичи, и опять на-

чались визиты, но они носили печальный характеръ: извѣстія о возстаніи въ Польшѣ, политическая буря, протеснявшая на родинѣ поэта, помрачала трауромъ любовь ихъ. Наконецъ, 20 апрѣля 1831 г., Адамъ уѣхалъ изъ Рима; вечеромъ, придя къ Анквичамъ, онъ принесъ томъ Байрона въ подарокъ Эвунѣ, но передъ тѣмъ, открывъ книгу, сказалъ: „пусть она скажетъ, пусть откроетъ мнѣ будущее“ и глаза его пали на слова: „потеряешь обѣ“. Поэтъ смутился. Эвуня задрожала и грусть не покидала ихъ въ продолженіе всего вечера. Это было послѣднее ихъ свиданіе; послѣ того они не встрѣчались, хотя и переписывались. Адамъ женился на Шимановской, а два года спустя Эвуня вышла замужъ за графа Салтыка, а когда тотъ умеръ, за графа Кучковскаго и умерла въ 1879 г. въ Галиціи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какія произведенія Мицкевича написаны подъ вліяніемъ этой любви. Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ лицѣ стольника

Горешко (въ „Панѣ Тадеушѣ“), этого типа гордости и магнатской кичливости, представленъ Анквичъ, но такъ вѣрно, что графъ, прочтя это произведеніе, обратился къ Одынцу со слѣдующими словами:

„Ну что же, monsieur Эдуаръ, Адамъ представилъ меня въ лицѣ стольника“.

Въ словахъ и чувствахъ Яцка Соплицы выражены чувства и оскорбленная гордость генія; во многихъ мѣстахъ встрѣчаются эпизоды изъ его любви, въ „Дѣдахъ“ поэтъ представилъ Марцелину и Эвуню молящимися; кромѣ того написалъ нѣсколько чудныхъ стихотвореній, какъ напр.: „къ Н.... приглашеніе въ Неаполь“, „Къ моему чичероне“ (Эвуня), и мн. др.

Таковы женскія идеалы одного изъ геніевъ! Въ нихъ замѣтна одна общая черта: — высокое образованіе и умъ, которые плѣняли генія

Славянинъ.